

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Она исчезла

Новое дело
Паши Синичкина
и Риммы

Паша Синичкин, частный детектив

Анна и Сергей Литвиновы

Она исчезла

«ЭКСМО»

2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Литвиновы А.

Она исчезла / А. Литвиновы — «Эксмо», 2024 — (Паша Синичкин, частный детектив)

ISBN 978-5-04-199015-2

Однажды моя верная помощница Римма без предупреждения не вышла на работу. Ее телефоны не отвечали. Квартира была пуста. А в криминальной хронике сообщили о подозрительной перестрелке с участием девушки... Я, частный детектив Паша Синичкин, бросился на поиски и выяснил, что в жизни подруги были удивительные и страшные тайны, включая двойное убийство на яхте посреди Финского залива. Теперь Римма бежит, чтобы не стать жертвой коварного и могущего врага. Я решил помочь ей, и тогда мишенью стали мы оба... Частный сыщик Павел Синичкин и его подруга-помощница Римма ведут новое расследование в остросюжетном романе Анны и Сергея Литвиновых «Она исчезла». На этот раз им приходится раскрывать преступление, случившееся в прошлом, но оно до сих пор влияет на настоящее самым непредсказуемым образом.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-199015-2

© Литвиновы А., 2024
© Эксмо, 2024

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	37
-----------------------------------	----

Анна и Сергей Литвиновы Она исчезла

© Литвинова А.В., Литвинов С.В., 2024

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

**Читайте романы
мастеров закрученного сюжета
Анны и Сергея ЛИТВИНОВЫХ:**

Осколки великой мечты
Быстрая и шустрая
Даже ведьмы умеют плакать
Кот недовинченный
Красивые, дерзкие, злые
Боулинг-79
Пальмы, солнце, алый снег
Наш маленький Грааль
Внебрачная дочь продюсера
Ревность волхвов
Ideal жертвы
Золотая дева
Я тебя никогда не забуду
У судьбы другое имя
Та самая Татьяна
Мадонна без младенца
Семейное проклятие
Изгнание в рай
Над пропастью жизнь ярче
Главная партия для третьей скрипки
Мертвые не лгут
Девушка не нашего круга
Я все скажу

Сериал «Авантюристка»

Отпуск на тот свет
Все девушки любят бриллианты
Проигравший получает все
Второй раз не воскреснешь
Предмет вожделения №1
Оскар за убийную роль
Дата собственной смерти
Парфюмер звонит первым
SPA-чистилище
Вояж с морским дьяволом
Биография smerti
Девушка без Бонда
Три последних дня
Незримая связь
Джюльетта стреляет первой
Жемчужные тени
Вижу вас из облаков

Сериал «Спецкор отдела расследований»

Эксклюзивный грех
Рецепт идеальной мечты
Коллекция страхов прет-а-порте
Ледяное сердце не болит
Одноклассники smerti
В Питер вернутся не все
Через время, через океан

Небесный остров
Несвятое семейство
Ныряльщица за жемчугом
Десять стрел для одной
Свадьбы не будет
#останься дома и стреляй!
Смерть за добрые дела
Красивая женщина умирает дважды

Сериал «Агент секретной службы»

Звезды падают вверх
Пока ангелы спят
Прогулки по краю пропасти
Трансфер на небо
В свободном падении
Она читала по губам
Вспомнить будущее
Многие знания — многие печали
Вне времени, вне игры
Аватар судьбы
Успеть изменить до рассвета
Завтра может не быть
Колесницы судьбы

Сериал «Римма и Паша Синичкин, частные детективы»

Заговор небес
Дамы убивают кавалеров
Бойся своих желаний
Слишком много любовников
Почтовый голубь мертв
Грехи отцов отпустят дети
Брат ответит
Любить, бояться, убивать
Улыбка смерти на устах
Она исчезла

Сериал «Сага о любви и смерти»

Черно-белый танец
Предпоследний герой
Печальный демон Голливуда

Сериал «Высокие страсти»

Исповедь черного человека
Сердце бога
Бойтесь данайцев, дары приносящих
Здесь вам не Сакраменто
Тебя убьют первым

Сборники детективных рассказов:

Любовь считает до трех
Все мужчины любят это
Миллион на три не делится
Плюс-минус вечность
Половина земного пути
Золотой песок времени
Горький инжир
Карнавал насмерть
Продавец вечности

АННА и СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВЫ

Она исчезла

МОСКВА
2024

Всяк человек ложь.
Пс., 115:2

Павел Синичкин.

Наши дни

Римка пропала.

За моей помощницей подобное не водилось.

Опаздывать на службу – сколько угодно. Я и сам не образец трудовой дисциплины.

Бездельничать в рабочее время? Тоже случалось неоднократно.

Да и прочие грешки у девушки имелись: занимать служебный компьютер, а также казенный Интернет сетевыми играми. Поправлять маникюрчик и подводить глазки-губки-скулы – на это я вообще внимания не обращал.

Но вот чтобы просто исчезнуть! Без оправданий! Без объяснения причин!

Не прийти на работу, и все! Нет, такого никогда в нашей совместной практике не случилось. Я, как хозяин и владелец контрольного пакета, назначил для нашего детективного агентства начало трудового дня в десять часов утра. Случались в моей практике ее опоздания на час-полтора. Но вот минуло два, потом три, потом четыре часа. Сотрудники в проектной институте (где мы с Римкой – иными словами, детективное агентство «Павел» – снимаем две комнаты) потянулись на обед, слышались их возбужденные шаги в коридоре. Тогда я не выдержал, смирил гордыню – ах, не пристало начальнику разыскивать собственную подчиненную! – и позвонил Римке.

Ее основной мобильник находился вне зоны приема.

Я набрал другой, секретный номер, на нее не зарегистрированный и предназначавшийся для экстренной связи и оперативных нужд. Его знали совсем немногие, я (разумеется) в том числе. Но там меня ждала столь же «теплая» встреча: абонент не отвечает или находится вне зоны приема.

Позвонил девушке домой: да-да, Римка в отличие от многих современных людей не отказалась от городского телефона в квартире. Но и здесь меня встретили длинные гудки.

Я заглянул в мессенджер. В последний раз моя верная секретарша появлялась там вчера вечером: в 20 часов и 44 минуты. Давненько.

Тогда я подумал: а пропади все пропадом и гори ясным огнем! Включил на обоих телефонах агентства «Павел» автоответчики и бросился по коридорам проектного института к своей машине.

Отчего-то стало меня томить неизъяснимо плохое предчувствие. И наплевать, что я могу выглядеть – прежде всего в глазах Римки – дураком и идиотом. Действительно, хорош я буду, если она загуляла с молодым накачанным любовником, какой-то вроде у нее завелся инструктор из спортклуба – и вдруг, здрасте, возникну на пороге, как Каменный гость. Получится крайне постыдно: бывший возлюбленный (в моем лице) и одновременно начальник проявляет приступ дикой ревности и отслеживает свою былую любовницу (и нынешнюю секретаршу). Но, опять-таки, меня извиняло нехорошее, тоскливое предощущение, мысль: с девушкой что-то могло случиться. А долгие годы жизни и оперативной работы приучили меня к тому, что следует доверять своему внутреннему голосу. Особенно, если он нашептывает нечто дурное.

На любимом своем баварском автомобиле я с пробуксовочкой выскочил со двора института (где путем интриг и подкупа за мной закрепили парковочное местечко) и влился в поток машин. Я не выбирал стиль езды, но подсознание диктовало мне нестись во весь опор. Я обходил попутных, а там, где не было камер, разгонялся до упора и пару раз проскакивал на желтый.

Дорога была мне хорошо известна. Не раз, ох, не раз подвозил я Римку из офиса к ней домой! Бывало, и она меня в свою квартирку доставляла на собственном «гольфике» – обычно

выпившего. В подобные счастливые вечера мы продолжали употреблять спиртные напитки у нее в однушке, а потом наконец возлегали.

Если кому-то вдруг придет в голову нарисовать график наших с госпожой Парсуновой взаимоотношений, получится безумная смесь линий, в иные моменты полная жарких сплетений, иногда – отдаляющаяся друг от друга на безразмерную величину, а порой вдруг – снова случайно наталкивающаяся и пересекающаяся. И опять расходящаяся.

Она пришла совсем девчонкой. Как уверяла потом, сразу в меня влюбилась – впрочем, грош цена женским признаниям, когда их шепчут в постели жарким шепотом. Но до той поры, когда начались те объятия и признания, я очень долго держал Римку на известном расстоянии. Она была хороша и умна, и я стал с ходу симпатизировать ей. Но, во-первых, и сам был несвободен, у меня то и дело случались романы, а, во-вторых, считал, что негоже заводить амурсы на рабочем месте.

Потом нас все-таки притянуло друг к другу. Мы прожили вместе, как супруги, примерно год, ездили вдвоем отдыхать, подумывали разменять свои квартиры, взять льготную ипотеку и съехаться – но, слава богу, не собрались. За тот год скандалили, ругались и ревновали друг друга чрезвычайно.

А потом Римка ушла. Примерно как сейчас: взяла и исчезла. Штампами в паспортах мы себя не обременяли, поэтому подобный фортель она провернула без участия бюрократии. Я навсегда в своей душе распрощался с ней.

А потом (прошло еще года полтора) она вдруг вернулась и проговорила нечто вроде: «Паша, жить и спать с тобой больше не хочу и никогда не буду. Но без работы – нашей общей детективной – мне скучно. Трудиться во всяких дурацких офисах, а не у тебя, тоска зеленая. Давай договоримся больше никогда не вступать в интимные отношения и останемся просто хорошими друзьями. Но при том я готова вернуться к тебе на прежнюю должность: помощницей и заместительницей. И строго без интима! У тебя будет продолжаться своя личная жизнь, у меня – своя!»

Я к тому времени нахлебался с косоруками и бестолковыми секретутками, которые ни кофе сварить, ни документ составить, ни тем более проследить за объектом не могли, поэтому радостно взял Римку назад. С тех пор мы не нарушили свои обещания, данные друг другу, по части служебных обязанностей: она трудилась толково и умело. Притом я (сверх своих изначальных обязательств и обещаний) подарил ей долю в собственном агентстве, а именно одну треть.

Но вот по поводу постельных дел я снова дал слабину. (Или – она, рассматривайте, как хотите.) Короче, оба не устояли. Иногда случались моменты, когда мы снова оказывались вместе в койке. И мне это обычно нравилось. Но когда я вдруг заявлялся к ней домой или звонил (признаюсь, зачастую в состоянии алкогольного опьянения) и требовал «продолжения банкета», то есть предлагал снова сойтись и жить вместе, она категорически отказывалась, произнося примерно один и тот же текст: «Пашенька, не надо усугублять ошибки. Да, я опять проявила с тобой слабость, но больше подобного не повторится. Я давно поняла, что нам не суждено быть вместе, не мешай мне устраивать свою личную жизнь, ладно?»

Не скрою, мысль о том, что она крутит романы на стороне, бывала жгуче обидна. И сейчас, когда я неся к ней, временами все-таки всплывало: а может, не обычным беспокойством о судьбе товарища по работе объясняется то, что я бросился к Римке? Это на самом деле приступ любви? Той самой огненной ревности?

Попутно думал, что о своей коллеге и бывшей любовнице я, если разобраться, практически ничего не знаю. Римка у меня крайне скрытной была во всем, что касалось собственной биографии. Ее прошлого – да и, честно говоря, настоящего.

Римма.

19 часами ранее

Любовь – прекрасное чувство.

Но когда ее нет, можно найти десятки заменителей. В сумме они дадут нужный эффект. А может, даже превзойдут пресловутую влюбленность и то дурацкое обожание, которое ты вдруг начинаешь испытывать по отношению к одному-единственному субъекту.

Возьмем флирт, например. Да шире: любовную игру любого рода. Дурачить парней. Кружить им головы. Сводить с ума. И наконец, заниматься с ними этой самой любовью.

Римме вдруг вспомнился анекдот, который некогда папенька рассказывал, – она тогда была девочкой-подростком со свойственной пубертатному периоду болезненным вниманием к запретному, постыдному, непристойному. Потому и историю запомнила – а рассказывать их папаша умел и любил.

Хотя анекдот, конечно, типично мужской. Нынче феминистки сказали бы: шовинистский по отношению к женщине. Но папаня, помнится, вещал вдохновенно, с жаром. Обычно за накрытым столом, с собутыльниками, с расставленными на чистой, но старой клеенке консервированными помидорками и баклажанчиками, салцем, пирожками и самогонкой.

«Итак, сколько у женщины должно быть мужчин? – возглашал он. Мама молчала, она эту присказку слышала не раз и не два, но понимала – когда мужик несет что-то, да с пылом, останавливать его и перечить не след. Отец обводил глазами гостей, а потом провозглашал: – Пятеро! – И повторял для лучшей усвояемости: – У всякой женщины должно быть пять мужчин! Первый – это друг! Ему она *все рассказывает и ничего не показывает*. Второй – это любовник. Ему *все показывают*, но ничего не рассказывают. Третий – это муж. Ему *кое-что показывают*, кое-что рассказывают. – Гости начинали тихонько угорать, предвкушая. – Четвертый – это врач. Гинеколог! Ему *все рассказывают и все показывают*. И наконец, пятый – это начальник. Ему *показывают и рассказывают* по требованию».

Сам папаша начальником был мелким, никакой секретарши ему сроду не полагалось, и в истории, конечно, звучала зависть по отношению к руководителям более крупным, у которых (как полагал отец) налажено сексуальное обслуживание на рабочих местах. Но романы на стороне у батяни происходили и безо всякой личной секретутки – до тех пор, пока мамахен однажды не вышвырнула его, вместе с вещами, из дома. А он немедленно поселился у одной из своих прихехе и начал вдумчиво пить. Но то была совсем другая история.

«А мне-то, как и другим нормальным женщинам, – подумала Римма, – никаких пятерых не нужно! Я-то по жизни хотела совсем иначе, чем в пошлом шовинистском анекдоте! Мечтала, чтобы Пашка стал моим единым во всех возможных лицах: и начальником, и другом, и мужем, и любовником! Я готова была и рассказывать ему, и показывать, и готовить, и даже рубашки гладить! А он!.. Воистину: черного кобеля не отмоешь добела! Совсем не собирався оставить похождения и сосредоточиться только на мне. Нет, он-то, как некогда папаша мой, хотел иного: бегать за юбками, а по вечерам (или утрам) – после того, как насладится или *не* насладится на стороне, обломится ему или нет – возвращаться ко мне. А я должна была его верно ждать и утешать, если понадобится, и кормить, когда проголодается. Кто на подобное согласится?! Даже мама моя, гораздо более патриархальная, такого не потерпела. Скотина он, Павел Синичкин, воистину скотина! Пусть обаятельная и чрезвычайно привлекательная – однако все равно свинья».

Однако мысль о том, что сегодня она увидится с Неизвестным, а завтра с Паном, будоражила кровь.

Очень приятно, когда мужчины водят вокруг тебя хороводы. Это доказательство, что она – блеск, хороша и молода. И то, что ее добиваются сразу несколько особей противоположного пола, приятно волновало. Будет из кого выбрать – когда она решит остепениться, выйти замуж и маленьких Парсуновых завести.

Первый, новенький, – для него нынче просто смотрины. Проводить до дому она ему позволит, если будет нормально себя вести. Возможно, разрешит поцеловать у подъезда – страстность и долгота лобзания будут зависеть от объекта.

Поцелуй важную информацию о мужчине несет. И на сознательном уровне, и на подсознательном. Психологи говорят о запахах, взаимопроникновении иммунных систем и всякое такое. А проще сказать: если понравилось лобзаться, то можно мутить с парнем дальше. А коли нет – лучше расставаться немедленно, каким бы мужик ни выглядел годным да перспективным. Если будешь с тем, кто не люб, терпеть, длить взаимоотношения, надеясь, что склеится, – все равно ничего хорошего не выйдет, один гимор.

«Меня, помнится, первый поцелуй с Пашкой чуть с ног не сшиб. И тогда, хоть были оба пьяны, и целовал он меня как бы в шутку, я поняла: он должен быть моим и когда-нибудь им обязательно будет. И он моим *стал* – вот только не смогла я в итоге *такого своего* терпеть».

Сегодняшнего ухажера Римма ни разу не видела лично. Обычная история: он пристал к ней в Сети. На аватарке лица не было, только профиль, как на гравюре. Он не просил ее прислать фотки или видео, и она не стала тоже. Римма не считала себя физиогномистом – сколько раз ее обманывали лица!

Поэтому флиртowała в инете вслепую. И хоть сто пятьсот раз слышала поучения, что девушке нельзя и опасно ходить на свидания с незнакомцами, и сама обывателям подобные советы давала – когда у них с Пашей в рекламных целях сайт детективного агентства действовал, – все равно поступала по-своему. Свидание вслепую – это будоражило кровь. В конце концов, она ведь не на опушку леса идет. Начальный этап запланирован на людях. А у нее, как у частного детектива, будет много возможностей, чтобы по ходу дела прокачать контр-агента. Понять: не маньяк ли он, часом.

В любой момент сможет от него ускользнуть. Римма верила в свою звезду, в свои возможности и способности.

В конце концов, ей от этого Новичка ничего не нужно: ни привязанности, ни признаний, ни любви, ни денег. Для близости у нее есть Паня, всегда готовый. Молодой, накачанный, красивый как бог. На десять годков ее моложе и неутомимый, как марафонец.

А с незнакомцем что ж! Он добивался свидания – она пошла ему навстречу. И в качестве компенсации потерянного времени хотя бы поест вкусно – за его счет. Этих штучек в духе гендерного равенства – давай поделим счет пополам – Римма никогда не понимала, и сейчас не потерпит.

Павел.

18 часов спустя

Сверхбыстрая езда не мешала мне размышлять. Подумалось, что на всякий случай не след мне появляться со своей машиной вблизи Римкиного дома. Мало ли! Вдруг она от кого-то вынуждена скрываться.

Теперь, когда вся столица, а особенно центр, утыканы камерами, в острых ситуациях лучше поменьше перед ними мелькать.

С Волгоградки я съехал на Третье кольцо, а оттуда подрулил к «Автозаводской». Парковки здесь тоже сделали платными, но восемьдесят рублей в час – цена для Москвы вполне божеская.

Я надвинул бейсболку поглубже, в метро за разовый билет заплатил наличными в автомате, а не картой. Почему-то хотелось как можно меньше оставлять цифровых следов.

Римка жила на «Павелецкой», почти у самого метро. По нынешним временам, считай, в центре. Правда, ютилась в однокомнатной квартирке в панельной двенадцатизэтажке хрущевского образца. Но умудрилась сделать в ней эффектный и стильный ремонт, который благодаря

хитроумной системе зеркал визуально превращал тридцать четыре метра в добрые пятьдесят пять.

Отражаться в тех зеркалах мне, помнится, было приятно, когда мы с Римкой обнимались.

Я несколько раз, когда мы с ней жили, спрашивал помощницу, откуда взяла она столь центровую квартирку, но девушка всякий раз уходила от ответа. Римма вообще оказалась крайне скупа на рассказы о своей прошлой жизни. Я даже не ведал, откуда она родом, кто ее родители. Только иногда вдруг звучавшее в ее речи (поначалу, когда она только пришла в мое агентство) фрикативное «гэ» заставляло думать, что она откуда-то с юга: Краснодарский или Ставропольский край, а может, Ростов или северокавказские республики.

По пути от метро «Павелецкая» – буквально пять минут ходьбы – я отмечал в уме камеры: вот две на станционном павильоне; дальше скверик, где тусуются вонючие бомжи; потом недавно построенная двухэтажка, где располагались хинкальная, стейк-хаус и пара магазинов, а на них целых пять систем видеонаблюдения.

В маленьком зеленом дворике, прилагавшемся к Римкиной многоэтажке, за калитками, которые открывались по коду, на блатном месте я сразу увидел ее машинку: скоростной, накачанный «гольфик». Обошел его кругом. Полное впечатление, что в минувшие сутки на нем никто не ездил. Капот совершенно холодный.

У подъезда тоже камера. Если и впрямь девушку придется искать, надо будет получить к ней доступ. Я открыл домофон своей «таблеткой».

С незапамятных времен у меня остались ключи от Римкиной квартиры. Когда я предложил их вернуть (после того как мы бесповоротно расстались), она, помнится, беспечно махнула рукой: «Пусть побудут у тебя. Авось пригодятся, – потом подумала и добавила: – Не в том смысле, что ты когда-нибудь вернешься. Я насчет тебя *не* передумаю, не надейся. Но вдруг я сама однажды ключи от дома потеряю».

Так запасная связка у меня и осталась. Лежала в офисе в столе.

Я поднялся на лифте. В нем по-прежнему играла мелодия из «Эммануэль» – как четыре года назад, когда мы, в пылу совместного расследования, однажды с Римкой сошлись. Сейчас песенка звучала по отношению ко мне издевкой.

Я позвонил в хорошо знакомую дверь. Нет отзыва. Потом снова и снова. Полное молчание. Тогда я поправил, на всякий случай и для вящей уверенности, газовый пистолет в кобуре скрытого ношения и своим ключом отпер дверь.

Из коридора несколько раз позвал: «Римма, Римма!» – но тишина была мне ответом. Я заглянул на кухню. В совмещенную ванную/туалет. Наконец, в Римкину единственную спальню с громадным сексодромом посередине.

Слава богу: я не обнаружил свою помощницу, бездыханную или без сознания.

Но и подсказок, куда она могла деться, тоже оказалось негусто.

Квартира предстала предо мной убранной. Римка в целом была чистюлей. Для каждой вещички у нее имелось свое запрограммированное местечко. И горе было мне во время совместного проживания, когда я его нарушал!

Но сейчас всевозможные мелочи, разбросанные повсюду, демонстрировали натюрморт на тему: «Девушка спешит на свидание». Помнится, был старый фильм, довоенный, с таким названием.

На кровати, тщательно заправленной, валялся халатик – не висел аккуратно в шкафу-купе. Фен, не выдернутый из розетки, был брошен на трюмо перед зеркалом. А на кухне на столе (да, на столе, прошу заметить, а не в посудомоечной машине, как полагалось, или, на худой конец, в раковине) стоял бокал, в котором застыли потеки красного вина, рядом – плоская с недоеденными орешками.

Картина вырисовывалась ясная: девушка вчера пришла с работы, приняла ванну или душ, уложила причёсочку, выпила бокал-другой красного сухого в качестве аперитивчика, для настроения – и рванула в город, в мир обманчивых приключений.

Она явно не собиралась никого к себе приводить, иначе такая аккуратистка, как Римка, не стала бы бросать на видном месте фен, халатик, бокал – тем более спрятать их было делом одной минуты.

Значит, гражданка кинулась в вихрь удовольствий – и так из него и не вынырнула.

Тут я заметил оставленный на кухонном столе Римкин планшет.

Теперь, когда основная жизнь сограждан происходит в виртуальном пространстве, он мог дать мне важные наводки: куда делась моя любимая помощница. Тем более у меня имелись надежды взломать ее пароль и, как следствие, добраться до содержимого Римкиного сетевого мира.

Я захватил планшет с собой.

Если впоследствии от моей помощницы вдруг возникнут претензии по поводу вторжения в ее частную жизнь, у меня найдется железное алиби: «Через него я искал тебя, моя дорогая, потому что очень беспокоился».

Римма.

Вчера

Район возле метро «Академическая» был для нее незнакомым, но по давней привычке детектива – «хочу все знать!» – Римма пробила его заранее.

Ресторан «Осетр и окунь» помещался в отдельно стоящем здании. Рейтинг у него оказался выше четырех (из пяти возможных), а отзывов суммарно насчитывалось свыше ста – хороший знак. Средний чек сулил полторы-две тысячи рублей без спиртного на одну персону.

Меню в Интернете девушка изучать не стала. Подумала: «Пусть незнакомый поклонник попробует меня удивить».

К заведению она подъехала на такси, но попросила остановить у тыльной стороны ресторации. Там располагался служебный ход – самое то, что нужно.

Как часто случалось, у черного хода сотрудники выставили стул, на котором развалился кто-то из персонала: с удовольствием покуривал вейп и шерстил в телефоне соцсети.

Римма подошла к нему развратной походочкой, покачивая бедрами.

Парнишка был хорошенький, чернобровый и голубоглазый. На фирменной поварской куртке оказался вышит знак: переплетенные телами окунь с осетром – точнее, гибкий, хрящеватый осетр, обвившийся вокруг плотненького окунька.

Парень с удовольствием оторвался от виртуального мира – в пользу девушки во плоти и крови.

– Привет, красавчик, – спросила она низким голосом, – скажи, ты в «Окуне» работаешь? Или в «Осетре»?

Тот оценил ее незатейливый юмор, хмыкнул:

– В обоих, и в «Окуне», и в «Осетре».

– Можешь меня провести незаметно через служебный? Хочу глянуть на чувака, который в зале у вас сидит.

– Зачем?

– Он меня ждет, а я пока не знаю, хочу ли с ним встречаться.

– Провести-то можно. Но, как говорила моя бабушка: а что я буду с этого иметь?

– А вот *моя* бабушка, – возразила Римма, – в детстве меня учила: не надо никогда мелочиться и стараться урвать по крохам. Будь великодушным, деточка внушала мне моя старушка, и тогда ты получишь от мироздания во сто крат больше, чем если будешь крысятничать по мелочам.

– Впечатляюще сказано. Мудрая бабуля.

– Кроме того, вот. Вдруг тебе по жизни понадобится помощь. Или захочешь развить перспективное знакомство.

Судя по тужурке, парень трудился не официантом, а на кухне – возможно, даже сушефом. Римма всегда испытывала слабость к мужчинам, которые умеют готовить, поэтому протянула ему визитку, где значилось: «Детективное агентство «Павел». Римма Анатольевна Парсунова» и два рабочих телефона.

– Ого, – сказал юнец, разглядывая визитку, – так ты, Римма Анатольевна, здесь по служебной надобности?

– Будем считать, что да.

– А кто такой Павел в названии агентства? Апостол Павел? Или Павел-муж?

– Слушай, ты очень много вопросов задаешь. Захочешь поболтать, позвони мне завтра. Нет, лучше послезавтра. Пошли, проведешь меня, получишь в итоге плюстик в карму.

И паренек послушно сопровождал Римму. Он оказался высокий, мосластый, от него вкусно пахло незнакомым парфюмом и дорогой едой.

Служебный коридор был заставлен кегами из-под пива, большими банками с оливковым маслом и гигантскими упаковками с макаронами. Они вошли в предбанник, в который из кухни выскакивали официанты, – он вел в обеденный зал.

Сам зал от кухни и предбанника прикрывали аквариум с обреченными жителями моря и ширма с изображением подводного мира. Девушка приникла к ней и стала наблюдать. Посетителей оказалось совсем немного. Одинокий мужчина – и вовсе в единственном числе. И если они договорились с Новеньким встретиться здесь в девять, а часы показывали девять с четвертью, он первый и последний кандидат на роль ухажера.

Римма стала изучать его лицо.

Павел.

Назавтра

С Римкиным планшетом под мышкой я спустился в ее развратном лифте («*Melodie d'amour chante le coeur d'Emmanuelle...*»).

На всякий случай решил в этот раз пройти к метро иным путем. По пешеходной дорожке мимо школы спустился на улицу Бахрушина. По ней вернулся на Садовое и по нему поднялся к метро.

В толпе народу проехал одну остановку по зеленой ветке до «Автозаводской». Трудовой день кончился, публика разъезжалась из делового центра по рабочим окраинам.

У «Автозаводской» я пересел в свою «бэху» и полетел домой в Перово. Я мечтал поскорей добраться до Римкиного планшета.

Когда-то я тоже жил в самом что ни на есть центре. Да вдобавок гораздо *центровее* Римки – на Большой Дмитровке, бывшей Пушкинской, в доме, рядом с которым впоследствии обустроили Совет Федерации. Правда, у меня имелась лишь комната в коммуналке, и я в итоге за свой метраж получил двушку в относительно новом доме – в тихом окраинном Перово.

Когда мы с Риммой стали жить вместе, в знак взаимного доверия обменялись, помнится, друг с дружкой паролями от своих гаджетов.

В конечном счете это меня и сгубило. Я ведь, как честный человек, ни за что бы не стал читать ее частную переписку – полностью доверял Римке. Но она оказалась совсем другая. Хитрая змея, как все Евино племя.

Она с *моим кругом общения* в Интернете однажды решила ознакомиться. И сделала для себя немало неприятных открытий.

А зачем было любопытничать? Совать нос не в свой вопрос? Мало ли с кем из дам я там что обсуждаю? Почему это ее должно касаться?

То, что я *сейчас* собирался проникнуть в ее виртуальную жизнь, – не считается. Я пытался ее найти и выцепить из неприятностей. А они, как почему-то мне казалось, с ней случились.

Иначе не стала бы девушка, даже столь безалаберная, исчезать безвестно на целые сутки.

Римма.

18 часами ранее

К столику в «Окуне и Осетре» она подошла разозленная, словно фурия.

– Какого хрена ты явился?

– Соскучился. А главное: нам с тобой очень надо серьезно поговорить.

– Ну, давай, говори.

– Может, ты присядешь? Они здесь отлично готовят рыбу: есть и сибас, и дорада, и лосось, и форель на гриле. Повар, как мне сказали, ее разделает, тебе не надо будет ковыряться ни с кожей, ни с косточками. Или вот спагетти с чернилами каракатицы. Ризотто с морепродуктами. Да и с белым вином, пишут в винной карте, тут очень все неплохо. И с розовым.

– Да ты гурман и завсегдатай, я гляжу!

– Изучил меню до твоего прихода. И с официантом поговорил. Давай покушаем, а потом перетрем наши делишки. Сразу скажу: я только потому приехал, что мы можем грандиозно поднять бабла, точняк тебе говорю!

– Так чего тянуть. Излагай.

– Э, нет. Лучше потом, когда выйдем на открытый воздух. Как ты знаешь, нынче и стены имеют уши. А для начала давай поедим. И выпьем за новую встречу.

– Тогда зови официанта, я сделаю заказ.

– Не стесняйся в выборе, я плачу за все.

– Какая щедрость с твоей стороны.

Павел.

Назавтра – 18 часов спустя

За те годы, что мы вместе не живем, Римка, скорее всего, пароли поменяла.

Надо попробовать подобрать их.

В принципе, если б человека не заставляли обстоятельства и/или сисадмины, он бы прожил всю свою жизнь с одним и тем же паролем *от всего*. И это, скорее всего, было бы: 1, 2, 3, 4, 5. Или, на худой конец, QWERTY.

Никто, кроме извращенцев и тех же сисадминов (что порой одно и то же, не любит придумывать новые пасс-ворды. А если все-таки приходится креативить, мы создаем для себя новые пароли по тем самым принципам, что использовали ранее.

Потому специалисты по фишингу и социальной инженерии легко дураят нас.

Во времена сегодняшние, когда нас с Риммой Анатольевной стали связывать лишь деловые отношения, где-то с полгода назад, я подсмотрел, какие первые символы она использует для пасс-ворда на своем рабочем компе в агентстве. Поразился и одновременно возгордился. Буквы эти оказались ровно теми самими, что много лет назад, когда мы с помощницей поделились друг с дружкой нашими ключевыми словами. Ее пароль до сих пор начинался словом: «Pavel», первая буква прописная. Она могла сколько угодно оправдывать себя: это потому, что так называется агентство, в коем она служит, однако прежде всего это мое имя, okay? И она его за все эти годы *не сменила*.

Дальше, правда, в ее пароле шли символы, которые я тогда подглядеть не успел, но очень надеялся, что сейчас сумею их подобрать.

Надеялся я и на то, что за полгода, истекшие с тех времен, как я углядел ее код, Римка тот свой пасс-ворд не сменила.

Когда-то, в 2010-м, когда мы впервые наконец сошлись, у нее после «Pavel» следовало «2005» – год, когда она пришла, желторотой восемнадцатилеткой, трудиться в мое агентство.

Сохранила ли она до сего дня свой принцип построения пароля: имя, а потом год? И если да, то какие цифры использует сейчас?

Я припарковался в огороженном шлагбаумом дворе возле нашей семнадцатизатки и отправился в свой холостяцкий двухкомнатный рай.

Набухал себе в стакан из холодильника льда, налил поверх вискаря, выложил в тарелку чипсы. Пусть моя вечерняя трапеза кругом нездоровая, зато я буду есть и пить, как культурный человек, из хрустального бокала и фарфоровой тарелки, а не из хрустящего пакетика.

Я попробовал для Римкиного планшета с кондачка прежний пароль «Pavel2005». Не сработало.

Может, она сменила цифры и теперь они означают ее второе пришествие в агентство – то самое, что случилось после нашего расставания?

Когда она вернулась? Я точно помнил: в 2013-м.

Набрал «Pavel2013». Мимо.

А если не год, другое число? Ее день рождения? Я вспомнил без натуги – 28 августа, или 28–08. Набрал после «своего» имени – пролет.

Неужели мой birthday? А что, в компании с именем выглядело бы гармонично и многообещающе. Я вписал – опять неудача.

И тут я вспомнил. Года полтора назад мы как раз заговорили с ней о паролях, и я рассказал Римке: как, особо не утруждая мозг, и без того набитый огромным количеством информации, можно и коды разнообразить, и в то же время их не забывать.

Надо иметь, советовали специалисты, один пасс-ворд базовый – а к нему в каждом отдельном случае добавлять особенные слова, связанные с сервисом, к каковому это кодовое слово прилагается конкретно. К примеру, если у тебя пароль Pavel2005, то в «Яндексе» добавляешь к нему yandex, в почтовом сервере «мэйл» – mail, в гугле – gmail и так далее.

Я бросился к планшету и к Pavel2005 добавил «tablet»¹.

Бинго! Ай-да я! Сим-сим открылся!

Я немедленно кинулся смотреть Римкины мессенджеры.

Они теперь действительно заменили нам все. «Ничего не будет, – как предсказывал герой популярного советского фильма, – ни театра, ни кино, одни сплошные...» Нет, не телевидение, а мессенджеры.

В мессенджерах сейчас народонаселение знакомится, кадрится, любит, чуть ни свадьбы справляет – а потом расходится, решительно и навсегда.

Римка, как показал взлом, переписывалась со многими товарищами – в основном с мужчинами. В том числе и со мной, разумеется, и (для меня это было удивлением) с моим учителем, полковником в отставке Валерием Петровичем Ходасевичем. А также нашим старым знакомым: журналистом Димой Полуяновым. И даже с общей старинной подружкой и давней-давней клиенткой Таней Садовниковой.

Был среди ее корреспондентов и (небезызвестный мне) тренер по рукопашному бою, и парочка подруг. Однако главными собеседниками последнего времени, а особенно минувших двух суток Риммы Анатольевны стали двое других. К моему сожалению (и настороженности), оба оказались мужчинами.

С первым, по кличке Пан – именно под таким именем он значился у нее в чате, – она поддерживала отношения четыре с лишним месяца. И было в тех отношениях – как я сумел заметить, бегло проглядев переписку – все: флирт, горячая любовь, жаркие признания. Бесконечные сердечки, цветочки, а также нахальные баклажаны... Горячие откровения (увы, с Рим-

---

¹ Tablet (англ.) – планшет.

киной стороны): «Как мне было хорошо с тобой прошлой ночью!» И даже полное бесстыдство: их фотки топлесс, а также его дик-пики.

Торс у мужика, с оттенком зависти заметил я, и впрямь оказался исключительным: и «кубики», и мощные грудные мышцы, и проработанный нижний пресс.

Испытывал ли я ревность? А как вы думаете?

Но главным для меня оказалось все-таки не это. Не для того я похитил Римкин «таблет», чтобы расчесывать свои угасшие чувства. Я реально боялся за нее! Хотел вырвать из лап маньяка – или куда она там по неосторожности попала.

С накачанным прессом маньяк или без одного – разберусь с любым.

Но если судить по этому чату с Паном, *не к нему* она отправлялась на свиданку *вчера*. Встретиться с ним они собирались как раз *сегодня* – в десять вечера у него дома. Рандеву это в своей переписке они жарко предвкушали, девушка спрашивала, что привезти. Он игриво отвечал: «Привези вино, морепродукты и другие афродизиаки». А она, в свою очередь, вставляла эмодзи – улыбочку, поцелуйчик, подмигивание – а потом: «Афродизиаков тебе как раз совсем не надо, ты и без них меня измучишь. Привезу тебе лучше бром, чтоб слегка успокоить». – «Привези наручники, ты же детектив».

Просто фу.

Но я сказал себе, что не буду выжигать ревностью свои мозги.

Моя главная цель: вытащить Римку из беды.

Этот «Пан» становился, конечно, подозреваемым номер один. Не случайно при любых бытовых преступлениях прежде всего думают на полового партнера. А он явно был им.

Одно только «но»: встречаться они собирались *сегодня*. И никаких не было данных, что переменяли свои планы в сторону ускорения.

А пропала моя помощница *вчера*.

Перерешили? Римка рванула-таки к нему? Договорилась о внезапной свиданке по старинке, – не в переписке, а звонком по телефону?

Однако имелся в мессенджере другой чувак. С ним переписка оказалась не настолько знойной. И началась она совсем недавно, дней семь назад.

Тот звался «Ромео». Его изображения на аватарке не было. Только силуэт, словно вырезанный из бумаги профиль, неизвестно чей.

«Ромео» с Римкой, с одной стороны, флиртовал: «Когда мы увидимся, ты точно ни о чем не пожалеешь». А с другой – намекал на потрясающей выгоды дельце: «Поверь, мы с тобой можем поднять бабла столько, что будем обеспечены до конца жизни!»

На резонный Римкин вопрос: «А зачем я тебе понадобилась? Боишься в одиночку деньги не унести?» – отвечал: «Расскажу лично, скоро все узнаешь».

И вот с этим «Ромео» Римка договаривалась о встрече в тот вечер, когда пропала, – *вчера*.

Телефоны обоих ухажеров имелись в контактах, и я немедленно позвонил обоим: сперва «Ромео», потом «Пану».

Увы, увы! У обоих номера оказались, как меланхолично сообщил автоответчик, «вне зоны приема».

Тогда я сосредоточился на рандеву, о котором вчера в девять вечера сговорились моя помощница и «Ромео»: ресторан «Осетр и Окунь», улица Вавилова.

Я открыл карту, осмотрел прилегающий район: метро «Академическая», улицы Ферсмана, Губкина, Ляпунова. Потом стал задавать в поисковике в разделе «Новости» все вышеуказанные именованья.

И тут меня ждало неожиданное и неприятное открытие.

Телеграм-канал «Москва-Криминал» меланхолически сообщал в заметке, датированной вчерашним поздним вечером:

«23.15. Жители дома номер девять по улице Ферсмана услышали под окном стрельбу. По свидетельству очевидцев, огонь велся из проезжавшей по дороге иномарки. Мишенью, как поведали правоохранителям свидетели, оказалась проходившая по тротуару парочка. Однако мужчина-пешеход неожиданно выхватил из кармана оружие и открыл ответный огонь. Когда через семь минут на место происшествия прибыл автомобиль ППС, полицейские не обнаружили ни стрелявшего, ни жертв: только множество стреляных гильз и следы крови. По факту перестрелки ведется доследственная проверка».

Римма.

Вчера

От Мишки можно было ожидать всего чего угодно – после десятилетней разлуки. И мысль о том, что ей с ним предстоит какое-то дело и серьезный разговор, тяготила.

Лучше бы не было этой преамбулы – да и ничего вообще.

Не было б этих десяти лет, и они просто снова встретились в ресторанчике, как тогда, пили пиво, слушали музыку, а потом поехали в клуб танцевать.

Но все равно еда оказалась вкусной, итальянское белое из области «Венето» пьянило. Мишка, конечно, посерьезнел – да что там говорить, скажем прямо, постарел – так ведь и она не молодела. И все равно он оставался забавным, веселым, умел рассмешить.

Разумеется, их надо уничтожить как можно скорее.

Причем обоих. Если они сговорятся – даже хорошо, тогда инфа не утечет дальше, а им двоим мы бошки-то пооткручиваем.

Если НЕ сговорятся – значит, каждый может пойти с этой тайной дальше, искать себе нового сообщника – справедливо рассудив, что в одиночестве с делом не справится. Тогда-то и появится опасность, что сведения начнут расползаться.

Как говорил папаша Мюллер: «Что знают трое – знает и свинья».

Поэтому расползание данных надо стопорнуть в зародыше.

Римма.

Вчера

– Давай рассказывай, – потребовала она, когда они вышли из ресторана.

Когда-то, десять с лишним лет назад, Мишка излечил ее от расставания с Пашкой. Исцелил. И она была благодарна ему за это.

Жаркие объятия, белые ночи. «Девушка, не хотите ли прокатиться на яхте?» – «И ты называешь это корыто яхтой?» – «Не надо обижать плавсредство, это гораздо хуже, чем обидеть капитана. За это пираты вздергивали на рее».

Она и тогда понимала, что ничего с ним у нее не получится в отдаленной перспективе. Не только потому, что она – в Москве, он – в Питере: могла бы к нему и переехать.

Но ведь он *не звал*. И это было главным.

Так и не позвал. А она ждала – до самого последнего момента.

Тогда он проводил ее, как верный рыцарь, на Московский вокзал. Сказал на перроне у «Сапсана»: «Пока». – И жарко поцеловал.

И с тех пор ни весточки, ни эсэмэски, ни звонка.

А она, что там говорить, на него тогда запала, и их питерское расставание стало новым неприятным моментом ее жизни.

Но тогда Римме исполнилось всего-то двадцать пять. И почти все, казалось, было впереди. А сейчас ей, с ума сойти, тридцать шесть! Действительно, хочется *определенности*: и дома, и семьи, и всего такого прочего.

Оттягивая тот самый серьезный разговор, она переспросила:

- Почему ты меня сегодня в такое странное место пригласил?
- Почему странное? Тебе не понравилось?
- Понравилось, только от центра далеко. Провинциалы обычно выбирают Патрики, Чистые пруды, Манеж...

- А я здесь неподалеку квартиру снял, – простодушно проговорил спутник.
- И надеялся сразу меня в нее затащить?
- Конечно.

- Ты слишком высокого о себе мнения. Ладно, давай лучше о *твоем деле*.
- Помнишь нашу *самую первую* встречу? – начал Мишка.

И как раз в этот момент на пустынной, однако хорошо освещенной улице рядом с ними остановилась черная машина. «Ауди А4», – профессионально определила Римка, – номеров не видно».

С переднего пассажирского сиденья выскочил человек и быстрым, уверенным шагом стал приближаться к ним. Одновременно он засунул руку во внутренний карман куртки, а когда вытащил ее – в ней оказался пистолет. Обычный, широкораспространенный «ПМ».

Лицо убийцы выглядело совсем незнакомым, но глаза его Римма где-то видела. Или ей так показалось. А может, глаза всех негодяев и убийц, даже тех, что мелькают по телевизору, похожи.

Но Мишка рядом с ней тоже оказался не лыком шит. Или он внутренне был готов к покушению. Сильной рукой он повалил Римму наземь и бросился на нее сверху, прикрывая своим телом. А в его правой руке тоже откуда-то возник пистолет.

Раздались выстрелы. Пять или шесть со стороны нападавшего. И столько же – от Мишки. Но, странно, звук выстрела от нападавшего доносился сильнее, чем Мишкин, хотя пистолет товарища бил совсем рядом.

А потом хлопнула дверца, движок авто взревел, взвизгнули покрышки, и «Ауди» умчалась. Римкин спутник встал и протянул ей руку, помогая подняться.

- Пошли, – сказал он, – он уехал.

- Что это было?

– Не знаю, но догадки есть. Я тебе позже расскажу. Пойдем скорее, сейчас менты примчатся.

- Ты ранен?

- Да чепуха, царапина.

Быстрым ходом они добрались до ближайшего укромного места. Когда-то там, видимо, был детский садик, но сейчас территория оказалась заброшена и заросла настоящим лесом.

Здание окружала решетчатая ограда – однако в любом заборе в России всегда найдется заботливо проделанная дыра.

Миша отыскал ее и завел девушку на территорию заброшки. Его рукав набухал кровью.

- Тебе в больницу надо.

- К черту больницу! Ты разве не знаешь: они обязаны докладывать о любом огнестреле.

А это нам совсем не нужно.

- *Нам?* При чем здесь я, скажи?

– Боюсь, раз *он* выследил нас единожды, сможет найти снова. И у *него* теперь появилась цель: замочить нас обоих.

- Во что ты меня втравил?!

– Я тебе расскажу. Чуть позже, когда мы окажемся в более спокойной обстановке. А сейчас давай – ты Москву гораздо лучше знаешь – придумай нам укрытие, где он *нас* не найдет. Что-то не связанное с работой или твоими близкими.

Слова и тон Мишки звучали настолько серьезно, что Римма немедленно стала вслух соображать:

– Паша Синичкин? Мой босс? Нет, он вычисляется на раз. – Потом она спохватилась: – Давай я тебя перевяжу.

– Давай, а то я всю одежду кровью залью.

На рукаве куртке оказалась дыра, на рубашке тоже.

Тело Мишки молочно белело в темноте, на плече выделялся кровавый след. Кобуру скрытого ношения с пистолетом он бросил в траву.

– Зачем ты взял с собой оружие?

– Я же сказал: объясню все позже.

– По-моему, пуля навывлет прошла, по касательной, и кость не задета. Счастливчик.

Римма разорвала Мишкину рубаху, наделала из нее жгутов и бинтов, перевязала.

– Теперь совсем другое дело. Красавчик! И я придумала, куда мы поедем.

– У тебя мобильник с собой? Один, два?

– Оба.

– Выключай давай. И батарейки вытащи. Только сначала тебе ведь надо своему *контакту* позвонить? Тому, куда мы сейчас поедем?

– Надо, – кивнула Римма.

– Вот и давай звони, да лучше с мобилы, которая не на тебя зарегистрирована. Никогда не поверю, что у тебя такой нет.

– Есть, – подтвердила она, достала из сумочки «левый» телефон и набрала номер Пана.

– Спishь, мой маленький? – пропела. – Слушай, есть дело, важное. Я к тебе загляну через полчаса. Буду не одна, но не ревнуй, ты все равно мой единственный.

– Любовник? – понимающе спросил Михаил, когда она нажала отбой.

– Типа того.

– Выключай мобилы.

– Один надо оставить, а то как же мы с моим красавчиком встретимся.

– Скажи мне, куда ехать – только правильно, как москвич таксисту скажет, не как приезжий.

– Красные Ворота, Садово-Черногорская, шестнадцать.

Они выключили телефоны и вытащили батарейки. Потом вылезли из заброшенного сада, и когда по тихой улице Ферсмана проехала первая же машина, Михаил поднял руку. Автомобилем оказалась раздолбанная «Киа» горчичного цвета. Водитель открыл оконце и вопросительно мотнул головой.

– Три штуки даю: Красные Ворота, Садово-Черногорская, шестнадцать.

– Садитесь, – меланхолично указал им на заднее сиденье шофер.

Когда они проезжали место, где в них стреляли, там уже сияли «люстры» полицейских машин. Люди в костюмах осматривали проезжую часть и траву возле тротуара, примятую телами Риммы и Мишки.

– Ой, а что случилось? – с деланным интересом спросила шофера девушка.

Георгий Степанович, примерно те же дни. Санкт-Петербург

Георгий Степанович любил свою квартиру. После всех жизненных перипетий он наконец остался в ней один. И обустроил ее так, как нравилось ему – а не какой-нибудь непонятной женщине, кем бы она ни называлась и кем бы себя ни считала: женой, возлюбленной или просто сожительницей.

В сталинском доме, на последнем, седьмом этаже, с роскошным видом на парк Победы и Московский проспект. Пусть шумно – в восемь рядов в обе стороны днем и ночью катятся автомобили, плюс трамваи, город никогда не спит, – он поставил прекрасные стеклопакеты и кондей. Зато городская движуха разгоняла кровь, заставляла сердце чаще биться. И всегда можно девушку пригласить полюбоваться прекрасным видом – а главное, не обмануть.

Парадная, правда, была запущенной, со стертыми ступеньками и запахами котов. И пару раз протекал потолок, приходилось возобновлять ремонт. По соседству временами орала семейка алкашей. Но ничего, за житье в старом фонде приходилось платить.

Со временем дома у себя Георгий Степанович гораздо больше полюбил находиться, чем в офисе. Хоть офис он тоже выбирал сам, и располагался он в еще более древнем месте – на Белинского, напротив чуть не самой старой в Петербурге Симеоновской церкви.

Но, слава богу, у него по роду службы был свободный график, и он располагал своим временем как хотел. Точнее, как диктовали обстоятельства.

А вот сейчас обстоятельства заставляли – что? Искать своего помощника? Или плюнуть?

Их с Михаилом никогда не связывали никакие договоры: устные, а тем более письменные, всякие там трудовые соглашения. Но за истекшие годы Георгий Степанович к Мишке прикипел.

А сколько, кстати, годков прошло?

Со дня их первой встречи, когда он впервые Мишку спасал, минуло почти двадцать лет, с ума сойти!

Георгий Степанович тогда не думал, что свидится с ним снова. Но случилось второе Мишкино явление. После всего – его армии, а потом тюрьги.

Сначала Георгий Степанович рассчитывал, что тот станет одноразовым его помощником. Но парень помог единожды, а потом еще, и снова. Быстрый, исполнительный, не рассуждающий, не задающий вопросов. Постепенно он стал не сказать незаменимым, незаменимых у нас нет, – но полезным винтиком или даже, поднимай выше, приводным шкивом во многих делах, что вел Георгий Степанович.

Втихаря проследить. Заснять, добыть доказательства. Доставить важный груз или пакет. Произвести с должником внушительный разговор, припугнуть и предупредить его о последствиях...

Да что там говорить! Многообразны и почти неисчислимы были Мишкины трудовые обязанности!

Никакого присутственного времени, типа трудовой дисциплины, у помощника не существовало. Как, впрочем, и у самого Георгия Степановича.

Когда ему становилось скучно или он хотел пообщаться – заходил в офис Георгия Степановича на Белинского.

А когда надобился самому боссу – у него имелись в памяти оба Мишкиных номера, Георгий Степанович не гордый, сам его наберет.

Да и дома у Михаила, на Новоизмайловском, в пещере на втором этаже с окнами в решетках, Георгию Степановичу пару раз доводилось бывать – тем более у самого квартира практически рядом.

И про *вторую* Мишкину *работу* он все знал: когда он на службе, на чем, по какому маршруту ходит.

А вот теперь помощник исчез – и с концами.

Оба телефона не отвечают.

Мессенджер тоже молчит.

Георгий Степанович не поленился и не погнушался: дошел от Белинского до Фонтанки, дождался, пока пришвартуется Мишкина колымага. Там ему сказали: нет, отсутствует, сказал, что «исчезнет на пару недель, без сохранения содержания» – несмотря на самую горячую пору.

На Новоизмайловский к Михаилу Георгий Степанович не пошел. Во-первых, все-таки гордость. А во-вторых, что он там мог найти, в квартире, если сам помощник прячется?

Вдруг подумалось: а что, если это вылезло то, очень давнее дело? Мишка напал на след и решил сам все исполнить? Со всем справиться? Георгия Степановича даже в известность не поставив?

С Миньки станется. Наглости у него хватит. Да и денег там в итоге может быть столько, что, наверное, помощник решил рискнуть.

Но это с его стороны, конечно, ошибка.

Мало кому Георгия Степановича удавалось обойти на повороте.

Тогда вот – удалось. Но то дело оставалось в итоге не закрыто. Изначальные заказчики до сих пор в основном живы и здоровы. И вероятно, поныне недовольны тем, что тогда случилось, и крайне не удовлетворены результатами.

Но чтобы два раза терпеть неудачу, да с одним и тем же делом – такого у Г.С. вовсе не бывало.

После подобного точно надо списывать себя в тираж. И уходить в отставку.

Но он такого никогда не допустит.

И если помощник решил, что он «сам с усам» – Георгий Степанович ему-то эти усики пообрывает.

Павел

На следующее утро в офисе меня ждал сюрприз.

Крайне неприятный.

Меня обокрали.

Злоумышленники вскрыли две наши с Римкой комнатки в офисном здании.

Распотрошили оба компа. Вытащили оттуда жесткие диски. Сами мониторы посбрасывали на пол. У одного разбился экран.

Залезли к нам обоим в столы. Что-то искали в документах. Порасшвыряли их по полу.

Сейф (старинный трудяга), правда, не вскрыли, но там все равно ничего не было. В нем я обычно храню свой (газовый) пистолет – когда после работы собираюсь выпивать. Но вчера я искал Римку и оружие на всякий случай захватил с собой.

Наш офис находится на втором этаже. Окна выходят в подобие парка – вид на деревья, разросшиеся среди жилых домов. Воры покидали кабинеты вместе с жесткими дисками и, может, с чем-то еще, через окно.

Спрыгнули на козырек столовой, который под моим окном, и были таковы.

Входили они в наши с Римкой кабинеты, скорее всего, все-таки в двери, сломав замки.

А в само офисное здание проникли, как впоследствии выяснилось, через окно в туалете на первом этаже.

Оба охранника – и первый, дежуривший в будке у шлагбаума во дворе, и второй, который несет вахту в самом билдинге, – ничего не заметили. Спали, наверное.

Разумеется, я вызвал полицию, а потом в течение двух часов отвечал на глупые, подлые и завистливые вопросы бывших коллег: «А чем вы в последнее время занимались? А какие дела вели? А кого сами подозреваете? А поступали ли вам угрозы? В ваших компах содержится то, что могло заинтересовать преступный элемент?»

Как известно, птички, что томятся в клетках, больше всего по жизни завидуют тем собратьям, что сумели из заточения вырваться. Полицейские своим поведением всячески мне это демонстрировали.

Разумеется, я не стал говорить о таинственном исчезновении моей помощницы. И о том, что бегство (похищение или захват) Римки, казалось мне, связано с налетом на офис.

Эту идею я оставил при себе.

Позвольте, уважаемые официальные следаки и дознаватели, я расследую это самостоятельно.

Когда дознаватели убыли, я сосредоточился на главном. А главным оставалась, конечно, Римка.

Она исчезла позавчера. Последний раз в Сети появлялась сорок часов назад. Я ее видел незадолго до этого: в шесть вечера в понедельник.

Потом тем же вечером последовало ее свидание с неизвестным «Ромео» в ресторане «Осетр и Окунь», а затем перестрелка поблизости. Связаны ли два эти события? И куда Римма делась потом?

Я позвонил ее любовнику, Пану. Телефон не отвечал.

Пользуясь своими многочисленными базами, я довольно быстро вычислил его личность. Фамилия его оказалась Панюшкин (отсюда, видимо, и кличка Пан). Звать Клим Васильич. Возраст – двадцать шесть лет: ого, натуральный юнец, младше Римки на десяточку! Совсем девушка вразнос пошла, за молодняком бегают.

Работает и впрямь (как чувствовал, а может Римка когда-то обмолвилась?) инструктором в спортивном клубе «Афродита». Проживает по адресу Садово-Черногрязская, шестнадцать, квартира ***: тоже почти в самом центре – как и Римка, на Садовом кольце, только в другой его части, не южной, а восточной.

Я позвонил в клуб «Афродита». Представился сухо, но с достоинством. Слегка при-
врал, конечно: майор такой-то (неразборчиво), мне надо срочно, очень срочно побеседовать с Панюшкиным. Речь идет о похищении человека, поэтому звоню непосредственно по рабочему телефону, и да, дорога каждая минута.

После сладких мелодий в трубке растерянная рецепционистка сказала:

- А вы знаете, Панюшкина сегодня в клубе нет.
- А должен был быть?
- Да... – проблеяла девчонка.
- И он не отпросился? Не заболел? Отгул не взял?
- Кажется, нет.

Становилось ясно, что мне немедленно следует нестись в квартиру Панюшкина на Садово-Черногрязскую.

Хотя кто знает: может, его невыход на работу с Риммой никак не связан? Он в наше беспокойное время попросту решил исчезнуть? Скрыться в братской стране, типа Армении? А может, прихватить туда свою любовь в лице Риммы Анатольевны?

Слесаря, чтобы замки чинить, замначальника НИИ по административно-хозяйственной части обещал прислать только после обеда, ничего важного после кражи жестких дисков у меня в офисе не оставалось, поэтому я кинулся к своей машине. По пути набрал старого друга и однокашника Перепелкина, который дослужился до полковника на Петровке и оставался моей палочкой-выручалочкой.

– Привет, дорогой. Я по-быстрому, извини. Можешь поднять инфу по перестрелке, которая позавчера вечером на Ферсмана случилась? Очень надо.

Перепелкин – парень понимающий и лапидарный, потому отвечал без послесловий:

– Оке, жди.

А я стартанул из своего офиса – снова в сторону центра. Одна радость: двенадцать, утренние пробки схлынули.

Припарковался рядом с искомым домом на внутренней стороне Садового – он оказался обильным, парадного послевоенного стиля. Двор ограждал шлагбаум, подъезд – домофон. Но шлагбаум не был препятствием для пешеходов, а из парадного в таких огромных домах, стоит подождать пять минут, кто-нибудь да выйдет.

Я вознесся в лифте на восьмой этаж. На лестничной площадке оказалось множество квартир. Когда-то здесь, видать, была коммуналка, а потом, в процессе неуклонного роста благосостояния советского человека, ее переделали в квартиры – маленькие, но отдельные, с личными санузлами.

Нужная мне дверь оказалась открытой.

Когда я только начинал публиковать свои записки частного детектива, читатели иногда сетовали: почему у тебя так часто на место преступления сыщику удается проникнуть без отмычек и ключей? Вечно двери нараспашку, разве так в жизни бывает?

Отвечаю: еще как бывает! Если преступнику, конечно, надо, чтобы труп долго не нашли, он за собой все запоры закроет. А если убийство, напротив, вызов кому-то? Или предостережение? Или просто душегубцу все равно, найдут тело, не найдут, и когда? Или вдруг он пребывает в настолько сильном душевном волнении, что забывает за собой запереть? Отсутствие у правонарушителя ключей тоже играет свою роль – многие замки сейчас не английские, которые сами защелкиваются, а французские – такие, что снаружи запирать надо.

Как бы там ни было, дверь в квартиру Клима Панюшкина, любовника Римки, оказалась не заперта.

Я все равно честно позвонил – нет ответа. Постучал в деревянную притолоку. Из квартиры донесся сдавленный шум. Я вытащил из кобуры свой газовый и вошел внутрь. Первое, что увидел: голого человека, притороченного к стулу за ноги и за руки, заплетенные сзади. В рот был вбит кляп. На его действительно красивом торсе имелось несколько кровавых порезов.

Но главное – он был жив, и его голубые глаза с ужасом таращились на меня.

– Спокойно, – сказал я, – я тебя не трону. Наоборот, пришел спасти. Я Павел Синичкин, начальник Риммы.

Я вытащил кляп, парень отдышался и прохрипел:

– А я тебя знаю.

Клим Панюшкин, позавчера ночью. История, которую он рассказал мне, Павлу Синичкину, когда я его освободил и оказал первую помощь.

Они ко мне в ночь на вторник около часа приехали. Римка и еще какой-то мужик, которого я не знаю и никогда раньше не видел. Вздурораженные. Он раненый. Руку, говорит, порезал. Но я его перевязал – умею, нас в медучилище натаскивали, – и сразу понял: это огнестрел, пуля по касательной прошла.

В каких они с Римкой отношениях? Хороший вопрос. Я, знаешь, тоже его себе задавал. Непохоже, что любовники. Может, когда-то были. Что-то между ними иногда проскакивало. Какие-то искорки. Но я не уверен. Может, просто знакомые.

Как его звали? Она его Мишей называла. И еще Минькой.

Как он выглядел? Старше ее. Но ненамного. Лет сорок. Крепкий физически. Но не потому, как мне показалось, что следит за собой и в зал ходит качаться. Возможно, трудовой процесс у него с физикой связан. Такой, знаешь, загорелый и обветренный, будто работает на свежем воздухе. Типа строитель или комбайнер.

И мне показалось, что он из Питера. Почему? А он, например, мой подъезд «парадным» назвал. Нет, «поребрик» и «булка» не говорил – но все равно, кажется, питерский.

Короче, зачем они с Риммой ко мне пожаловали среди ночи? Спрятаться. Просили укрытия.

Если можно, пересидеть у меня в квартире. А лучше: есть ли у меня за городом какая-нибудь хибара, где можно пожить-отлежаться пару-тройку дней, а то и неделю?

Я сказал, что есть, но далеко, и там никаких удобств. А они говорят: отлично, это то, что надо.

Я дал им ключи, и они решили переночевать у меня, а с утра туда отправиться.

Я постелил мужику, этому Мише, на диване. Ты извини, но Римка опять, как всегда, со мной легла – только между нами в этот раз ничего не было. Я ее все пытался выпросить, что случилось да в чем дело. А она: «Тебе лучше не знать» – и уснула.

Часа в четыре утра они встали и, как сказали, пошли пешком – тем более три вокзала тут рядом.

Больше я их не видел.

Тебе тоже их нынешний адрес нужен? Как этим, что сегодня приходили? Координаты дачи моей?

Ну, записывай: Владимирская область, село Селищи. Улиц там нет, третий дом от околицы, как из города ехать. Бревенчатая изба. На электричке до Ильинского, а там пешком пять километров.

Кто ко мне сегодня приходил, спрашиваешь?

Утром – позвонили в дверь. Я дома был, зарядку делал, на работу собирался. Говорят из-за двери, голос мужской: мы из квартиры снизу, вы нас заливаете. А я соседку, что подо мной живет, знаю. Поэтому говорю: а где Алла Викторовна? А они: уехала, нам квартиру сдала. Ну, я и открыл.

Они тут же набросились, скрутили. Двое их было. Физически сильные. И такие, знаешь, с уголовными повадками. Лица абсолютно безжалостные. Лет тридцати-сорока.

Сразу раздели меня, кляп в рот, привязали к стулу.

Порезали грудь ножом – неглубоко, но больно. А потом говорят: сейчас ты нам скажешь, где подружка твоя Римма и дружок ее. Куда поехали.

Я попытался отвертеться, говорю, не знаю.

А они: сейчас мы тебе, кобель, яйцаотрежем. Не только не сможешь своими бубенцами девчонок привораживать, но и вовсе кровью истечешь, насмерть. И я вижу: они это сделают, способны. Явно в них нет ничего человеческого.

Я им и сказал. А что было делать?

А они: надеемся, не врешь. Но мы проверим. А если врешь, вернемся и на лоскуты тебя порежем.

А потом собрались и ушли. Развязывать меня не стали. Сказали: если у тебя имеются по жизни друбань или другие, кроме Риммы, телки, придут, выручат. Или – парень ты сильный – рано или поздно, сам выпутаешься. Помни доброту: могли освежевать тебя, скотинку, но в живых оставили. Свечу Николаю Угоднику за нас поставь...

– Во сколько они ушли?

– Часов в десять утра.

Павел

У них было почти четыре часа форы. Почему-то я не сомневался: те двое, что навестили Клима Панюшкина, сейчас на пути в село Селищи Владимирской губернии.

– Что мне делать? – спросил на прощание любовник моей любимой девушки. – Идти в полицию?

– Мне все равно, определяйся сам.

А когда я выруливал на своей «бэхе» из переулков на Садовое, позвонил дружище мой, полковник Перепелкин.

Кратко и сухо, словно докладывал своему генералу о происшествии, рассказал:

– Перестрелка на улице Ферсмана произошла позавчера примерно в двадцать три часа. С одной стороны в ней участвовали двое мужчин на «Ауди А4», первый сидел за рулем, второй стрелял. С другой – двое прохожих, мужчина и женщина. Огонь открыл тот, что прибыл в транспортном средстве. Но, по словам свидетелей, пешеход сумел организовать отпор. Прикрыл собой девушку, вытащил ствол, стал бить в ответ. Тот, кто отстреливался, использовал не боевое оружие, а газовый пистолет. На месте происшествия обнаружена кровь, группа устанавливается, пробиваем по базе ДНК. Свидетели называли номер автомобиля довольно уверенно, но под таким номером никакого «А4» не обнаружено, числится старая «ВАЗ-2104». Поэтому одно из двух: либо номера подменили, либо свидетели ошиблись. Пока работаем с мобильными операторами: чьи телефоны вчера болтались в это время в указанном районе.

– Спасибо, Александр Олегович! Будешь и дальше держать в курсе?

– А у тебя, Синичкин, какой к этому делу интерес?

– Да помощница моя пропала, Римка, ты ее знаешь. Есть догадки, что это в нее палили на Ферсмана.

Он присвистнул:

– Эта рыжуля замечательная! Помню ее. Обязательно надо найти, живой и невредимой. Перешли мне, кстати, номер или номера мобильных, принадлежащих твоей красавице, пробьем и их. А сам звони, если что надо. Буду держать тебя в курсе.

– Окей, номера вышлю. И поставь их тогда в розыск. Я уверен, что Римка ничего плохого не совершила, просто оказалась в неправильное время в ненужном месте.

– Сделаем.

Какая прелесть все-таки, что есть в жизни настоящие друзья! Как пелось в детской советской песенке: «Друг в беде не бросит, лишнего не спросит – вот что значит настоящий верный друг!»² Вот и Санька безо всяких понуканий и посулов кинулся мне на помощь. Это дорогого стоит.

За разговором я выкатился за МКАД и полетел, насколько позволяли светофоры, по Щелковскому шоссе. На скоростные ограничения плевал – какая разница, сколько штрафов придет, лишь бы Римку спасти!

Римма.

Вчера утром

Миня что-то пытался рассказать ей в электричке, и вроде бы важное: почему он в Москве появился и отчего снова ее нашел, – но Римму неудержимо клонило в сон. Хорошо, если на два часа в квартире Клима она забылась. Там сквозь приоткрытое окно непрерывно шумело Садовое, Пан все шептал ей на ухо: то пытался выяснить, что случилось, то желал близости. Пришлось ему уступить, конечно, а то такое положение, что не знаешь: может, это последний любовный эпизод в твоей недолгой оставшейся жизни. Поэтому в пустом вагоне она клевала носом и ничего толком не слышала.

Зато пока ехали, немного выпалась, и сразу кофе захотелось. Адреналин в крови перегорел, и на смену дикому возбуждению, напряжению и страху пришла апатия.

Слава богу, на станции Ильинское оказался кофейный автомат. И хоть Мишка торопил, она взяла себе двойной.

– Мы не спросили Клима: есть в его деревне магазин? Что мы там у него есть-пить будем?

– А... – Миня пренебрежительно махнул рукой. – Магазин или автолавка сейчас всюду есть. Лучше не терять время и провизией запастись, а поскорее свалить из города.

Договорились с таксистом, дежурившим на площади, чтоб довез до деревни. Тот заломил с ранних любовников (как он сам для себя определил статус парочки) дикую цену. А когда Римма попробовала поторговаться, высказал:

– Да ты знаешь, какие там ямы? Смерть подвеске!

И впрямь: дорога когда-то по пути из Ильинского в Селищи имелась, даже асфальт вроде некогда лежал, только на проезжей части оказались хаотически разбросаны огромные дыры. Ехать приходилось, пыля, со скоростью двадцать километров в час по более-менее ровной обочине. Но временами она обрывалась и авто ухало в ямы. Станным казалось, что всего в ста километрах отсюда Москва, где каждый год по новой перекладывают асфальт, бордюры и плитку.

---

² Автор М. Пляцковский.

Домишко, сосватанный Паном, оказался под стать шоссе: покосившийся плетень, заросший бурьяном участок, осевшая на бок изба. В доме кислый запах, мутные стекла, дохлые мухи. Дощатый туалет в конце участка. Колодец на улице через три дома.

– Не «Хилтон», конечно, – потянулся всем телом Миша. – Но все-таки типа дом. И, как говорят, нищие не выбирают.

Сама деревня оказалась по части благосостояния разной: большинство изб кривые, темные, полузаброшенные. Но имелись и добротные каменные особнячки за высокими заборами. И что интересно: несмотря на лето, разгар, казалось бы, полевых работ, – ни единого человека ни в огородах, ни на улице.

Зато нашелся магазин, Римме с Мишей удалось закупить там хлеб, колбасу и «Доширак». Вдобавок кофе, йод, бинт и репелленты.

– А вы чьи будете? – подозрительно спросила объемистая продавщица.

– А вы из контрразведки? – парировал Миня.

Когда они вышли, Римма спросила:

– Ты мне теперь скажи, почему нас преследуют? За что стреляли? И чего ты в итоге добиваешься? Что мы дальше будем делать?

Однако на эти самые насущные вопросы Мишка не отвечал, лишь хмыкал многозначительно, гмыкал, да болтал ерунду:

– Подождем, отсидимся, забьемся под камень, как щука в реке. А *он*, может, сам к нам придет, своими ножками. И тогда мы его: цап!

– Да кого «цап»? И что ты затеял?

Но Минька только отшучивался и переводил разговор на другое:

– Скажи, у тебя с тем красавчиком накачанным, Климом с Садово-Черногрязской, все серьезно?

Или:

– А с твоим начальником, Пашей, ты сейчас в каких отношениях? Помню, до того как мы с тобой в двенадцатом году в Питере встретились, ты ведь с ним жила?

Или:

– Бог троицу любит! Первый раз, в пятом году, у нас совсем не задалось, потом, в двенадцатом, – случился приступ жаркой любви, но без продолжения. Теперь, наверное, все наконец сладится.

На последнее она в сердцах ответила:

– Ты говоришь, был приступ любви. Почему ж тогда меня отпустил?! Дал вернуться в Москву? И не позвонил потом ни разу?!

– Извини, красавица, то была моя самая большая в жизни ошибка. Сам себе простить не могу.

Короче: балагурил и подсмеивался. А она не могла сопротивляться, потому что тогда, в двенадцатом году, заимел он над ее сердцем власть – не такую, как некогда Синичкин, но ошутимую. Никакому Пану и не снилось.

И только одно по делу Миня сказал – не считая того странного лепета, под который она в электричке засыпала:

– Может, Павла твоего Синичкина в долю взять? Или, как думаешь, сами справимся? – И единственное добавил полезное: – Надо ведь для начала установить, кого конкретно и на сколько *он* тогда кинул. Можно, конечно, Георгия Степановича позвать в наш бизнес, но тот хитрющий мужик, может попросту оттереть и из дела выкинуть, ни копыя не получим.

– Кто такой Георгий Степанович? – спросила Римма.

– А это типа твоего Синичкина: главарь детективного агентства, только питерский. Я у него подрабатываю.

– Мы, значит, с тобой коллеги? Вот не знала.

– Вот именно, Римма Анатольевна. Но хватит нам с тобой на посылках бегать. Пора самим куш отхватить. Ты не менжуйся, Римка, дело у нас будет миллиондолларовое.

– Рассказывай, о чем речь.

– Да погоди ты! Дай в себя прийти, подумать да сообразить: как нам дальше действовать, чтобы свой интерес сберечь.

– Но пока мы с тобой только чуть по пуле не словили. И в грязной избе сидим.

А Мишка только хохотал:

– Все гигантские состояния начинались с самого низкого старта и минимума возможностей!

Павел.

На следующий день

По дороге я успокаивал себя: может, бандиты не сразу бросятся в погоню за Римкой и ее спутником?

Нападение на парочку носило все приметы заказного убийства. Значит, у него имеется заказчик? А исполнитель не сам *интересант* убийства? Тогда, стало быть, бандитам для начала потребуется доложить «наверх» обстановку и получить санкцию на дальнейшие действия? Но, с другой стороны, нынче «доложить» и «получить санкцию» – дело одного звонка, совершаемого на ходу.

Другой разговор, что подельник Римкин, кем бы он ни был – человек, судя по перестрелке на Ферсмана, совсем не простой и далеко не лох. Да и Римма моя Анатольевна не промах. Задешево их не возьмешь, в голые руки они не дадутся.

И если бандитам свойственна минимальная осторожность, то для начала они проведут рекогносцировку: развернут свои силы близ деревни Селищи, понаблюдадут за парочкой.

Вдобавок я уповал на счастливый случай. Мало ли что бывает! Остановят гангстеров, к примеру, на трассе менты: не все же им с честных водителей тысячи сшибать. Обыщут, к примеру, бандитскую машину. Оружие найдут...

Мечты, мечты, где ваша сладость!

На счастливую (для меня) случайность и на то, что я успею в деревню до возможного начала боевых действий, только и оставалась надежда.

Можно, конечно, позвонить другу моему Перепелкину и сказать: имеются у меня сведения, что по такому-то адресу (называется деревня Селищи Ильинского района Владимирской области) готовится преступление. И пусть он позвонит в область, а они подошлют ОМОН.

Но! Опять-таки я не знал, что происходит с Риммой и в каком она статусе: заложница или, может, подельница? И тот хмырь, с которым она прогуливалась позавчера по Ферсмана, ей кто и почему оказался рядом? Я хоть не жалую – точнее, ненавижу Римкиных хахалей, – но все равно подставлять под статью ее приятеля не хочу.

Поэтому оставалось мчаться – я и мчался.

Я пролетел поворот на Щелково и город Чкаловский. Потом пронесся под новым ЦКАД, миновал Черноголовку, затем Киржач.

Шоссе делалось все хуже. Наконец я добрался до райцентра Ильинское и свернул на изрытую (как предупреждал меня навигатор) трассу до Селищ.

А когда доехал наконец до деревни, то сразу понял, что опоздал.

Римма.

Двумя часами ранее

Никаких поползновений Мишка вечером не проявил. Постельное белье в избе оказалось ветхое, влажное, поэтому стелить его Римма побрезговала. Легли одетыми: девушка на нике-

лированную кровать с шарами, прямиком из сороковых годов прошлого века, а Миня на продавленный диван.

Перед сном на всякий случай он ее вооружил. Нашел в избе старый нож, долго его оттирал от ржавчины, потом точил. У него хорошо получалось все делать руками, можно залюбоваться. Миня снял рубашку, и тело у него проявилось не такое накачанное-оформленное, как у Пана, но жилистое и загорелое. Повязка, которую они поменяли в квартире у Клима, больше не кровоточила. Он и себе наточил тесак с лезвием сантиметров двадцать. А еще – топор.

Рано утром (она спала) встал, сходил на разведку. Пришел через пару часов, когда Римма кофе пила, доложил:

– Въезд в деревню один, по той трассе. По другим дорогам проехать можно только на танке. Если они вдруг появятся, то только как мы. Поэтому ты сиди здесь, а я пойду подежурю.

– Я с тобой.

– Перестань. Это опасно.

– А тебе не опасно?

– Зато ты, если что, успеешь убежать.

– Не надо мне этого, Миня. Идем вместе. А по дороге ты расскажешь, в чем дело. Хотя бы знать, за что погибаем.

– Типун тебе на язык.

Все-таки она его уболтала, и они пошли на опушку вдвоем.

Сознание опасности будоражило кровь – как тогда, почти двадцать лет назад. И тот же Миня был рядом.

В тот раз им обоим удалось выйти сухими из воды – причем почти в буквальном смысле.

Но вот теперь, кажется, прошлое их догнало.

Но, может, обойдется?

Они остановились за кустами, в стороне от дороги. Присели на поваленную и бесхозно брошенную березу.

– Давай, рассказывай, – напомнила Римма Мишке.

– Я по порядку, – сказал он. – Итак, все случилось с неделю назад. Мы с Веткой поехали купаться на залив, в Лебяжье...

– Ветка – это кто?

– Какая разница! Не перебивай! Вот мы в Лебяжьем сидим с ней на берегу на песочке, и вдруг я вижу...

По трассе, ведущей из райцентра, прибывало по машине в час. Кое-кто из деревенских тоже редко-редко отправлялся в обратный путь, в город.

Но вот на дороге, прерывая Мишкин рассказ, появилась «Ауди А4». Черная, явно та же, что позавчера охотилась за ними на Ферсмана.

Машина съехала на обочину и остановилась в лесу, не доезжая изб. Метрах в двадцати от Риммы с Минькой.

Открылись дверцы, из авто вышли двое. И еще один оставался за рулем. Полку бандитов прибавилось – теперь их оказалось трое.

Римме представилось, что один из них – тот, кто стрелял в них ночью после ресторана.

Мишка заставил ее пригнуться, спрятаться за упавшим деревом.

Двое бандосов стояли и разговаривали. Посматривали на деревню, показывали руками.

И вдруг – Римма не могла поверить – Мишка прошептал ей: «Лежи тихо, что бы ни случилось». А сам – глупец, безумец! – бросился к пришлецам. В руке у него сверкнул тесак.

Бежал он бесшумно, и ему удалось схватить сзади ближнего к себе бандита. Он взял его руку на болевой и прижал острый тесак к шее. А потом стал вместе с ним медленно отступать к кустам.

Второй из стоявших выхватил пистолет. Шофер выскочил из салона и тоже направил на Миню оружие. Но стрелять они боялись. Ведь парень прикрывался их подельником и медленно отступал в чащу.

А потом, когда их загородила от бандитов разлапистая елка – Римма с другого угла все видела, – Миша вдруг беспощадно резанул тесаком горло бандита, и тот стал медленно опускаться на землю.

Хлынул фонтан крови, а Мишка тем временем вытащил из кобуры у бандоса пистолет и кинулся в глубь леса, в противоположную от Риммы сторону. Он словно уводил убийц от нее и от деревни.

Вслед ему раздались выстрелы. Двое оставшихся оправились от неожиданности, и им больше не надобно было защищать своего.

Мишка запрыгнул за поваленное бревно и открыл ответный огонь.

Первая же пуля попала второму бандиту в голову. Третий тоже упал наземь. Однако он был жив и стал отстреливаться, прикрываясь лежавшим на земле телом своего подельника.

Миня зачем-то вскочил: то ли поменять дислокацию, а может, в азарте боя добить противника. Римма вдруг с ужасом увидела, как пуля, выпущенная оставшимся третьим шофером, попала ему прямо в середину груди.

Мишка упал. Его тело дернулось и больше не шевелилось.

Девушка кинулась бежать к нему, но остановила саму себя.

Третий бандит не пострадал. Он осторожно встал. Потом прошелся по лесу, поглядел на своих убитых товарищей. Они не подавали признаков жизни. Тогда он подошел к Миньке и, стоя над ним, выстрелил в него сверху вниз.

Контрольный выстрел. Наверное, со своим старинным другом Римма теперь может попрощаться навсегда.

После этого бандит-водитель забрал пистолеты из рук своего товарища (и Михаила), а потом, никак не заботясь о своих павших, вернулся к машине, прыгнул в нее, развернулся и дал ходу: прочь, прочь из опасного места!

Римма кинулась к убитым.

Подбежала. Три тела. Все в крови.

Сперва она смотрела только на недвижимых бандитов, словно давая шанс Михаилу очнуться, прийти в себя, подняться и сказать, что все это происходит неважправду. Однако чуда не случилось. Когда она повернулась и подошла к нему, Миша оставался неотвратимо мертв.

Она бросилась на землю рядом с ним, припала к нему на грудь и навзрыд заплакала:

– Миня, Миня! Зачем же ты так? Зачем это все?!

Ей стало безумно жаль своего бывшего возлюбленного, которого, казалось, она могла вновь обрести.

Павел

У опушки леса я увидел следы настоящей бойни.

Один, в черном, со смертельной раной в голове.

Второй, тоже бандитского вида, – с перерезанным горлом.

И третий, как бы противостоящий им, на расстоянии метров пятнадцати, – с двумя пулевыми ранениями в грудь и в голову.

По всем описаниям, парень, лежавший на земле, оказался очень похож на временного соратника моей Римки: физически крепкий, жилистый, загорелый, сорокалетний. С перевязкой от пулевого ранения на руке.

Но где сама Римма?

Первым делом я набрал своего друга Перепелкина и попросил, чтобы он сообщил в область и прислал на место происхождения опергруппу.

Потом отправился в третий дом от околицы, как сказал мне сегодня утром Пан.

Дом оказался открыт нараспашку, и в нем явно недавно хозяйствовало. Не исключено, что Римка.

Чашка кофе на столе, недоеденный бутерброд. Чайник не успел окончательно остыть.

Но самой Римки и след простыл.

Георгий Степанович

Когда Миня исчез, Георгий Степанович забросил в информационное пространство не то что бы частый бредень, а так, по мелочам: один-два невода. Связи, знакомства и базы всякие, чтобы искать человечков, у него имелись.

Поэтому он легко узнал, что в минувшее воскресенье Мишаня взял билет до Москвы. Прибыл в столицу и снял там через интернет-сервис «Постелька» однокомнатную квартиру на улице Вавилова.

Особого значения этому Георгий Степанович не придал. Наоборот, успокоился. Мало ли зачем люди в столицу ездят! Может, погулять. Может, прибахлиться. А может, Минька влюбился в москвичку и покоряет ее.

Но в четверг вдруг пришло известие – если разбираться, по нескольким статьям неприятное. Во-первых, Миньку попросту стало жалко – как человека. Ничто человеческое Георгию Степановичу не было чуждо, жалость тоже. Во-вторых, Миша в течение чуть не пятнадцати лет был верным, честным и преданным помощником. Любил деньги – да, всегда торговался – тоже правда, но каждый раз поручения, пусть самые щекотливые, выполнял точно и быстро. Никогда не подводил, не запивал и не делал попыток перевернуться на сторону противников, чтобы срубить куш побольше.

Но и третий момент во всей истории настораживал. Эта стремительная и неожиданная поездка, а потом гибель в перестрелке – что они означали? Миня действительно вышел на след в каком-то деле, что они обтяпывали вместе, но решил разобраться сам и повел себя неточно, неловко, грубо – поэтому его и замочили? Может, и Георгию Степановичу имеет смысл принять меры безопасности? Или, напротив, ситуация со смертью Михаила сулит ему какой-никакой дивиденд?

Короче, Г. С. тоже собрался в Белокаменную. Надо разбираться на месте. Связи у него имеются и в Первопрестольной, надо выяснить скрупулезно, кто, почему и за что загасил Миньку.

«Утро вечера мудренее», – решил он и взял билет на самый ранний «Сапсан». А там, подремывая в бизнес-классе, стал вспоминать ту давнюю историю, когда он впервые встретился с юным Мишаней.

Чуть не единственное поручение в его практике, которое он так до конца и не выполнил. Но, возможно, лишь пока?

Георгий Степанович. 18 лет назад, лето 2005 года. Санкт-Петербург

Георгий Степанович с хазарами дел старался не иметь. Но, с другой стороны, если сам дед Ибрагим зовет встретиться, разве в силах он отказать?

Ресторан «Пиала» в подвале на канале Грибоедова, как все знали, принадлежал хазарам. Здесь они проводили свои встречи и стрелки, отсюда планировали операции.

Г.С. проводили в отдельный кабинет. Стоявший на входе абрек его обыскал. Забрал телефон.

Дед Ибрагим попивал из пиалы. Зеленый чаек, седая борода. Издалека – добрый восточный дедушка. Но взглянешь вблизи: абсолютно безжалостные глаза. Глаза человека, умеющего убивать. Неоднократно расстреливавшего людей самостоятельно и еще чаще отдававшего приказ о ликвидации.

Руки Ибрагим не подал, кивком предложил сесть. Вообще говорил мало, будто его слово ценится на вес золота. А может, русский язык, такой трудный, плохо давался ему, и он не желал демонстрировать, пусть в мелочах, собственную ущербность.

Сразу завел речь о деле:

– Один человек пропал. Дома нет его. На звонки не отвечает. Машина в гараже стоит.

Внушительно помолчал, потом передал через стол газету: цветной таблоид, статья на полосу. Тогда, в 2005-м, в изобилии выходила желтая пресса, смаковала убийства и (иногда) наезжала на власть имущих.

Георгий Степанович увидел заголовок:

**КАПИТАН ЯХТЫ И ПАССАЖИРКА ПОГИБЛИ ВО ВРЕМЯ
ПРОГУЛКИ ПО ФИНСКОМУ ЗАЛИВУ. ВЕСЬ ЭКИПАЖ ИСЧЕЗ**

Ниже – пара фотографий: в большом размере тот самый катер. Рядом явно взятый с документа строгий портрет бравого лысого мужика в морской форме. Фотография носилок с прикрытым с головой трупом. А ниже – черный квадратик с белым вопросительным знаком в центре. Типа, кто-то неизвестен.

– Возможно, он там, на лодке, был, – выцедил дед Ибрагим. – И пропал. Найди его.

– Кого? – уточнил Георгий Степанович.

– Тебе фамилию скажут. Установи: он, не он.

Визитер, наискосок просмотрев газету, проговорил скупое, невольно подделываясь под стиль хозяина:

– Пишут ведь: погиб.

– Тела нет. Найди тогда его тело. Или живого найди.

– Могу спросить: зачем вы его ищете?

Дед Ибрагим глянул на него желтыми немигающими глазами, будто был задан совершенно непозволительный вопрос, а потом все-таки обронил:

– Денег нам должен.

На том аудиенция была окончена.

Затем в другом зале того же ресторана второй человек в хазарской иерархии по имени Тимур дал установочные данные на того, кто упал за борт, или прыгнул, или был убит на яхте «Валерия»: Вадим Петрович Ружгин, бизнесмен. Передал его фотки.

Он же озвучил Георгию Степановичу условия, и они оказались столь привлекательными, что частный детектив, сомневавшийся, не напрасно ли он повелся на предложение хазар, сразу убедил себя, что делает все правильно.

Единственное только спросил – заместитель деда Ибрагима казался более разговорчивым:

– Почему вы сами его не сыщете? У вас, хазар, ведь своя разведка-контрразведка имеется.

– Люди слишком горячие. Спрашивать правильно не научились, сразу паяльники достают. Лишних жертв не нужно нам сейчас.

Первым делом Георгий Степанович поднял всю информацию о главном фигуранте.

На следующий день, в результате интриг и связей, ему назначили встречу со следяком, ведущим дело. Федерального следственного комитета тогда не существовало, следствие поручили городской прокуратуре. До того Георгий Степанович прочел все, что газеты писали об убийствах на яхте, а писали они много и невпопад. В ту пору и криминальная хроника цвела, и плюрализм какой-никакой существовал.

Со следаком встретились в «Котлетной, семь» неподалеку от Садовой. Расследователь произвел на Георгия Степановича невыгодное впечатление. Пожилой, мутный, толстый, вялый. Даже промелькнуло: «Может, специально такого подбирали, чтобы понадежней дело замести под ковер?» Хотя кому надо так странно играть? Есть и иные, более простые методы.

Следователь неприкрыто обрадовался, когда Георгий Степанович вслух сказал, что за обед он платит – хотя как могло быть иначе? Поэтому гость раскрылся: заказал салат, второе, десерт, бутылку коньяка.

Потом стал рассказывать о деле – в принципе, не сообщая ничего нового, по сравнению с газетами, только детали. Но, как известно, дьявол кроется именно в них.

Итак, около десяти вечера моторная яхта «Валерия» отправилась из яхт-клуба (бывшего императорского, а потом ленинградского) на морскую прогулку. В момент отшвартовки на ней находились двое: капитан Олег Клещев и неустановленное лицо, матрос.

Затем (опять-таки в неустановленное время, в неустановленном месте) катер принял на борт нескольких пассажиров. Сколько конкретно, неизвестно: то ли двоих, то ли троих, а возможно, четверых. То, что в их числе имелись один мужчина и одна женщина – это точно. Но, может, мужчина находился в компании двух-трех женщин. А может, на двоих пассажиров-мужчин приходилось двое женщин. Короче, темная вода.

Затем яхта отправилась на прогулку в акваторию Финского залива. И вот там что-то на ее борту произошло. Разборка, которая переросла в стрельбу.

Во всяком случае, когда катер вернулся в марину, наутро на его борту оказалось два трупа. Оба с огнестрельными ранениями. Первый – это капитан, по фамилии Клещев, 49 лет. (О нем, как о единственном установленном погибшем, писали все газеты, и это его фото видел Г.С. рядом со статьей в кабинете деда Ибрагима). Второе тело принадлежало девушке, на вид лет двадцати, личность которой устанавливается.

В салоне яхты остались следы пиршества: шампанское, односолодовый виски, коньяк, martini. Икра, крабы, белая и красная рыба, мясные закуски, жульены.

Описывая еду, уминая салат, да и выпив слегка, следак разговорился и повеселел. Становилось ясно: он просто обжора.

– Сколько бокалов во время застолья использовалось? Сколько тарелок? – перебил Георгий Степанович.

– Хороший вопрос! Всех по три.

– Значит, пировали, скорее всего, главный пассажир, он же заказчик круиза, плюс погибшая девушка. И кто-то еще? Другая девушка? Неустановленная? Или другой мужчина?

– А может, они пригласили выпить капитана? Или матроса?

– Такое ведь не принято, разве нет? Заказчики отдельно, obsluga отдельно?

Следак покивал, безмолвно соглашаясь.

Георгий Степанович спросил о другом:

– А вот девушка погибшая? Как она, к примеру, одета была?

– Обыкновенно, – пожал плечами следак, уминая салат.

– Как проститутка? – уточнил Георгий Степанович. – Дорогое белье, чулки, высокие каблуки, короткая юбчонка?

– Нет, ничего вызывающего. Обычная девчонка, типа студентка. Хотя приоделась, конечно. Топик, платье выше колен, кофточка. Кроссовочки. Но в процессе распития спиртных напитков она все это сняла. Была в махровом халате поверх белья. А бельишко, да, не дешевое, – он чуть покраснел и облизнул влажный рот, – кружевное и красное.

– А где перестрелка произошла? В салоне или на палубе? Сколько пуль в итоге нашли? Сколько гильз? Сколько типов оружия?

– А ты хваткий, – оценил следак, в одно лицо принимая коньяк, – иди к нам в прокуратуру, рекомендацию напишу.

– Нет, спасибо, я официальной работой наелся.

– Пистолет, похоже, был всего один. Все гильзы и пули вылетели из него. Однако стреляли на палубе, поэтому, может, что-то потерялось в море безвозвратно. Короче, отыскивали три пули: одна в капитане, одна в девчонке, одна в переборке. И четыре гильзы. Отдали на экспертизу, но по виду все от импортного ствола «Беретта».

– Надо хорошо уметь стрелять для того, чтобы одной пулей капитана поразить, а второй девушку, – заметил Георгий Степанович. – Да в условиях качки, да после выпивки...

– Качки в ту ночь не было. Полный штиль. Ноль баллов. И теплынь. Воздух – двадцать пять градусов, вода – двадцать два.

– Сам пистолет удалось найти?

– Нет.

– А у капитана по жизни имелось огнестрельное оружие? Что его окружение говорит?

– Никто не подтверждает наличия.

– А кто хозяин лодки? Сам капитан?

– Да нет, откуда у него такие деньги! Подобный катер полляма евро стоит, не меньше. Брал в лизинг, а хозяин – некий... – Он достал из пиджака бумажки, пошуршал ими над десертом и выдал фамилию-имя-отчество.

– А что с отпечатками пальцев?

– Налапано там много. Эксперты работают.

– Но сколько свежих? Какому количеству человек принадлежат?

– Устанавливаем.

– ДНК-анализ?

– Отправили в лабораторию образцы, взятые из бокалов.

– А результаты вскрытия убитых? Капитана, девчонки? Официальная причина смерти? Огнестрел? Или, может, еще что-то? Как там насчет содержимого их желудков? Степени опьянения?

– Пока эксперты не дали нам заключения.

Следак покончил с салатом и перешел ко второму.

Было понятно, что это за тип: флегматичный, медленный. Глаз не горит, главный принцип: как бы чего не вышло. Похоже, он утомился от многочисленных вопросов Георгия Степановича, быстрых и точных, хотелось ему расслабиться над выпивкой и едушкой.

– Как в итоге обнаружили трупы?

– Яхта вернулась в марину. Охранник удивился, что ни капитан Клещев, ни неустановленный матрос с борта не сошли, яхт-клуб не покинули. Пошел проверять и обнаружил на борту два тела.

– Значит, по итогу, пока выяснить удалось – поправь меня, если я ошибаюсь. – Георгий Степановича следователь на «ты» называл, хоть и впервые видел, почему бы не ответить тем же, хотя в ту пору следак был лет на пятнадцать его старше; сейчас наверняка в отставку вышел, если не помер. – Капитан Клещев на яхте «Валерия» отправился на морскую прогулку вместе с неустановленным матросом. Потом они где-то на неустановленном причале забрали несколько неустановленных людей: то ли двоих, то ли троих, то ли четверых. А может, пяти-рых?

– Это вряд ли. Но вероятность мы не исключаем.

– Во всяком случае, одной из пассажирок была девушка, впоследствии убиенная, но до сих пор не установленная. – Георгий Степанович слегка подпустил в свой спич иронию, чего толстяк, кажется, не заметил. – Затем яхта отправилась в акваторию Финского залива. Там между пассажирами, или между пассажиром и капитаном, проявилась взаимная неприязнь и началась перестрелка, в результате чего на борту появилось два трупа: Клещева и девушки.

Затем, непонятно, каким образом, катер оказался снова на пристани с этими двумя бездыханными телами на борту.

– Скорее всего, лодку вернул в порт матрос, – с серьезным видом заметил прокурорский. – А возможно, кто-то из пассажиров.

– Для этого ведь навыки нужны. Вести корабль, швартоваться. Значит, пассажир был моряк?

– Скорее всего, все-таки матрос катер вернул, они, как правило, навыками судовождения владеют.

– А тело заказчика? Того, кто оплачивал шампанское, коньяк, крабы – и, возможно, девушек, – так и не найдено?

– Где ж его теперь найдешь? Пока не всплывал. А Маркизова лужа большая. Всю не перероешь.

На прощание они договорились, что следак будет поставлять Г.С. информацию по мере поступления.

– Твой труд будет хорошо вознагражден.

Тот, толстый, красный, замахал полными ручками.

– Что ты, что ты, я с тобой разговариваю из чистого уважения, – промолвил фальшивым голосом.

После разговора со следователем Георгий Степанович понял: прежде всего ему надо найти возможных свидетелей.

Во-первых, матроса, который доставил яхту назад в порт. И/или третьего человека (Мужчину? Женщину?), который пировал вместе с исчезнувшим чуваком и убитой девушкой.

Если он существовал.

Но ведь имелся в кают-компании (или как там она зовется, на яхте – в салоне?) третий бокал.

На следующее утро Георгий Степанович, помнится, выдвинулся к яхт-клубу на Петровский остров. К стыду своему (или наоборот), он, коренной ленинградец, там ни разу не бывал. Числил себя сугубо сухопутной крысой.

Долго трюхал туда от парка Победы: по Московскому, потом Измайловскому, через Петроградку.

В ту пору не возвели грандиозных новоделов последнего времени: ни «огурца» Лахта-центра – тогда о том, чтобы его на Охте построить, пока не заикались. Не существовало грандиозного стадиона на Крестовском, западного скоростного диаметра со впечатляющими мостами по-над заливом. Да вообще: время больших нефтяных и газовых денег только начиналось, люди пока слегка пришиблены были из-за диких реформ в девяностых.

Навигаторов тогда, впрочем, тоже не имелось, по-этому Г.С. ехал, сверяясь по бумажной карте.

«Конечно, – думал он в то утро, – опера должны были прошерстить яхт-клуб и с начальством поговорить, и с соседями по пирсу. Но у меня, в отличие от ментов, – тогда полицейские еще были «ментами», – имеются два важных козыря: во-первых, моя собственная мотивация, подогретая наличными. И во-вторых, те самые купюры, которые я благодаря столь щедрому предложению от хазар могу раздавать направо-налево. Точнее, не без разбора, а только тем, кто владеет информацией и готов ею со мной поделиться».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.